

Августа 19 (1 сентября)

Священноисповедник
Николай (Лебедев)

Священноисповедник Николай родился в 1869 году в селе Бережаи Бежецкого уезда Тверской губернии в семье пономаря Василия Лебедева. Семья была из бедных, и весь курс Тверской Духовной семинарии Николай обучался за казенный счет. В 1893 году он с отличием окончил семинарию, и начальство как одному из лучших учеников предложило ему продолжить за казенный счет образование в Духовной академии. Но Николай отказался от этого предложения и поступил псаломщиком в храм в селе, где он родился и где служил когда-то его отец. Здесь он пробыл полгода и в 1894 году был рукоположен в сан священника ко храму Казанской иконы Божией Матери в селе Власьево, расположенном в нескольких верстах от Твери.

Село Власьево – одно из старинных сел Тверской губернии. Первое письменное упоминание о нем относится к середине XVII века. Здесь в то время действовал деревянный храм в честь святителя Николая чудотворца. Прихожанами храма тогда были семьи местных землевладельцев – Бабарыкины, Угрюмовы – и жившие здесь крестьяне. Во время польско-литовского нашествия местное население стало участником военных действий, храм опустел и в конце концов разрушился. Около пятидесяти лет в селе не было храма, и только в 1732 году владельцы села обратились к архиепископу Тверскому Феофилакту (Лопатинскому) с просьбой благословить их на строительство нового деревянного храма в память Казанской иконы Божией Матери, которая явилась заступницей русского народа в смутное время. Храм был построен, но через некоторое время также пришел в негодность. В 1779 году помещица села Власьево получила разрешение епископа Тверского Арсения (Верещагина) на строительство каменного храма во имя Казанской иконы Божией Матери с приделом Николая чудотворца. Началось строительство храма, и в 1781 году придел во имя Николая чудотворца был освящен, но затем строительство растянулось на двадцать лет, так как благотворительница уехала из Власьева, а ее зять растрачивал деньги, предназначенные для строительства церкви. В результате храм был полностью выстроен и освящен только в 1799 году.

Сразу же после начала служения в Казанском храме отец Николай стал принимать деятельные меры по воспитанию прихожан в духе православной нравственности и по искоренению пороков. 22 октября 1897 года им было открыто Общество трезвости во имя Казанской иконы Божией Матери, которое было утверждено, как официально действующее, министром внутренних дел 28 января 1899 года.

В правилах Власьевского Казанского Общества трезвости, в частности, так говорилось о его целях и задачах: «Цель Общества заключается в противодействии злоупотреблению спиртными напитками, употреблению бранных слов; в уменьшении разгула, в привлечении народа к более усердному и частому посещению богослужения, в заботе об украшении местного храма, в развитии и укреплении среди местного населения вообще христианских добродетелей. Общество поставляет также своей целью заботы о поднятии благосостояния местного населения.

Храм Казанской иконы Божией Матери. Село Власьево

Общество находится под наблюдением и руководством местного священника.

В качестве членом в Общество могут вступать все лица православного исповедания, достигшие совершеннолетия, как мужчины, так и женщины, без ограничения их места жительства.

Принимаются в Общество и лица, совсем не пьющие вино, чтобы они служили образцом и примером для людей слабых и невоздержных.

Прием членом может быть только в местном храме и происходит по... установленному порядку...

Каждый трезвенник получает святую икону Казанской Божией Матери, святое Евангелие, две Троицкие книжки о пьянстве, экземпляр устава Общества, правила и особый билет, удостоверяющий принадлежность его к составу Общества...

Имена всех членом Общества записываются в особую книгу и поминаются о здравии на проскомидии и ектении в воскресные дни во все время состояния их членами.

В случае смерти трезвенник поминается об упокоении в течение 40 дней.

При общем собрании членом два раза в году совершаются Божественные литургии об упокоении умерших родственников, членом Общества и большие панихиды, о чем члены извещаются каждый раз особо.

Для поддержания и укрепления духа трезвенников 12 раз в году будут служить молебны Иисусу Христу и Божией Матери с акафистами...

Обет дается на срок одного года, но срок этот может быть уменьшен по желанию члена до 3-х месяцев; для членом же уже окрепших срок может быть увеличен до 3-х лет...

Каждый член Общества во все продолжение своего обета обязывается хранить безусловную трезвость, не нарушая его никакими предложениями вроде изнаможения, усталости и прочими.

Всем членам вменяется в обязанность по возможности прекратить курение табака, употребление бранных слов, помня, что за всякое слово праздное, а тем более гнилое, придется дать строгий ответ на Страшном суде Христовом;

прекратить игру в карты и другие азартные игры, посещение питейных заведений и пьяных компаний во избежание соблазна.

Все члены обязываются по возможности в воскресные и праздничные дни ходить в храм Божий. Редко бывающий в храме, по троекратному вразумлению священника, исключается из Общества...

Как можно чаще думай и припоминай вред и пагубность пьянства; видишь крест на церкви, думай так: "Господи, Ты распялся за нас на этом кресте, за наши грехи пострадал, – как оскорблю Тебя грешным пьянством, – плакать надо, а не пьянствовать". Видишь землю, – думай: "и я в нее когда-нибудь пойду, помру, и меня будут судить за грехи мои, а за пьянство горше осудят". Скотину ли видишь, – думай: "и человека пьянство делает подобным скоту бессмысленному". Утром, вставши от сна, и вечером, отходя ко сну, вспоминай о своем обещании.

Святая икона дана тебе в благословение, имей ее всегда на виду, чтобы она напоминала тебе о данном тобою в ее храме обещании: моли Царицу Небесную о помощи.

Святое Евангелие дано тебе для того, чтобы ты мог читать слово Божие и поучаться, как должно жить христианину и что есть воля Божия, святая и богоугодная.

Никогда не забывай, что ты дал обет Богу, и если долг всякого честного человека, давшего даже простое обещание своему ближнему, исполнять его, тем более долг всякого истинно верующего христианина, давшего свой обет пред Богом и подтвердившего его целованием святого Креста и Евангелия, строго исполнять его.

Не забывай, что в случае нарушения тобою обета тяжелый грех ляжет на твою душу. Твердо помни, что от людей можно утаить, но что лучше и строже людей наблюдает за нами совесть, которая страшно мучает нас за грехи и втайне содеянные. Самое же строгое наблюдение за нами принадлежит Всеведущему Богу, от Которого ничего не скроешь, ничего не утаишь и за тайные грехи большое осуждение получишь.

Когда найдет на тебя помысел и желание пьянства, в молитве и чтении слова Божия ищи себе сил и поддержки для успешной борьбы со своею слабостью...

Все члены обязываются распространять между другими задачи и стремления Общества, содействуя и привлекая ко вступлению в Общество новых членов, действуя на них примером своего поведения, словом и убеждениями, твердо помня обещание Спасителя, что кто сам исполнит заповедь и другого научит, тот великим назовется в Царствии Небесном (Мф. 5, 19). Посему родным и знакомым своим, которые склонны к разгульной жизни и пьянству, ленивы посещать храм Божий, склонны к сквернословию, к картежной игре и к проведению времени в трактирах, советуй, чтобы они оставили такой образ жизни, как непристойный христианину. Несовершеннолетних учи, чтобы они не брали худые примеры с отцов своих и не курили табак. Внушай родителям и всем старшим, чтобы они не посылали малолетних за вином в питейные заведения и тем предохраняли их от соблазна и развития в них пороков. "Горе тому, им же соблазн приходит..."

Трезвенник, нарушивший обет в первый раз, вразумляется духовным отцом наедине и оставляется в Обществе, если окажет раскаяние. О вторичном нарушении сообщается общему собранию членов и с нарушившим поступают

согласно общему решению. При нарушении обета в третий раз член исключается из Общества...»¹

Впоследствии в своих объяснениях следователям во время заключения в 1929 году отец Николай писал: «...Я родился в деревне и детство свое провел среди простого народа. Испытавши и нужду и горе, я близко принимал к сердцу нужды и бедность народные. Еще на школьной скамье у меня созрело решение отдать все свои силы на служение темной, забитой, бесправной и бедной деревне... Мне думалось, что нужно прежде всего внести лучи света и знания в темную деревню, нужно поднять ее экономическое положение, – и народ сам завоюет себе и права и свободу. В этих видах я отказался от Духовной академии, куда меня посылали как лучшего ученика, и решил идти в священники и именно в деревню – и я пошел.

Вся моя жизнь в деревне была посвящена осуществлению моей мечты – служению простому народу.

Когда я поступил в 1894 году во Власьево священником, в приходе моем было два кабака, две пивных и мелочная лавка одного кулака и ни одной школы; дети оставались неграмотными, учиться негде было. Можно по этому судить, что представлял из себя мой приход. Народ костенел в невежестве, предавался пьянству, а вместе с этим хозяйство в деревне падало, росла бедность и преступность. Бедняцкая часть населения была в кабале у местного кулака Баскакова, который в деревне Пасынково имел кабак и мелочную лавку, под большие проценты ссужал бедняков семенами, овсом, товарами из своей лавки и в своем кабаке иногда в долг спаивал народ. К нему неслись под заклад сбруя, одежда и другая утварь крестьянская, особенно страдала женская половина. Я решил бороться со всеми этими темными сторонами деревенской жизни и во что бы то ни стало вырвать народ из их цепких лап.

На первом же году своего служения в приходе мне с громадными усилиями удалось построить во Власьево земскую школу, потом добился закрытия кабаков и пивных, угрозой уйти даже из прихода добился приговора от крестьян на то, что и впредь кабаков и пивных у себя они не будут открывать. Немалых усилий мне стоило выжить из деревни и кулака Баскакова. Все, что мной было пережито в этой борьбе с кулаками и кабаками, не опишешь. В 1904 году мне удалось построить вторую образцовую земскую школу в деревне Большой Перемерке. Обе школы существуют и до сих пор. Еще в начале своего служения в приходе тем обстоятельством, что как-то не взял с одного крестьянина платы за требы и дал кому-то почитать Некрасова, я возбудил против себя подозрение в глазах епархиального начальства и был отдан как неблагонадежный под надзор местного благочинного. А устройством именно земских школ, а не церковноприходских, я навлек на себя уже неприязнь со стороны епархиальной власти. А моя борьба с кабаками и пивными, борьба с кулаками и их приспешниками, возбудили против меня с их стороны уже открытую злобу, мне грозили даже убийством. Но я продолжал свою деятельность в приходе и даже решился перенести эту борьбу с недугами деревни за пределы прихода. Для большего успеха в борьбе с великим социальным злом – пьянством народным – мной в 1897 году было организовано Власьевское Общество трезвости, которое широко потом развило свою деятельность, открывая свои отделения в губернии, устраивая дешевые столовые, чайные, при них библиотеки и читальни, устраивая при них музыкальные вечера, концерты, спектакли, чтения с картинками, елки, кино и другие разумные развлечения для народа, в целях отвлечения его от

пьянства, причем библиотеки и читальни никогда не носили узкого, одностороннего характера. В библиотеки и читальни выписывались не только духовные или специальные о пьянстве книги и журналы, но и вообще литература в широком смысле этого слова...

В 1901 году мной был устроен приют для алкоголиков с мастерскими: столярной, шорной, сапожной, переплетной, швейной, кузнечной и сельским хозяйством для тех из алкоголиков, которые не знали никакого ремесла, при этом в приют я отдал... и свой скот, и сельскохозяйственный инвентарь. В приюте проживало одновременно до сорока семи человек, работа в мастерских была сдельная, пациенты приюта получали готовый стол, одежду, обувь, а остальной заработок выдавался им при выходе из приюта. Цель приюта была дать возможность ослабевшим, опустившимся людям выдержать себя, освободиться от своего недуга, подняться на ноги и начать новую жизнь. Приют существовал пять лет. Сколько неприятностей, тревог и забот доставили мне эти алкоголики, этот приют...

В 1907 году мной был открыт приют для беспризорных детей, детей, покинутых своими родителями, детей алкоголиков, детей с улицы. В приюте детей было до тридцати семи человек, в возрасте от пяти до двенадцати лет. Для детей была открыта особая школа, некоторые мастерские и велось сельское хозяйство. Пожар в приюте осенью 1909 года, истребивший два сарая с запасами хлеба и сена, и отсутствие средств принудили в 1910 или в 1911 году приют закрыть.

В своей деятельности в деревне я старался поднять ее экономическое положение и всячески способствовать улучшению сельского хозяйства в крестьянстве, и в этих видах я устраивал чтения для народа... беседы по сельскому хозяйству, убеждал крестьян вводить травосеяние; даже для общества деревни Пасынково, когда было трудно добиться единогласия на засев поля клевером под предлогом отсутствия средств, я приобрел клевер в долг под свою личную ответственность и поля засеял клевером. Граждане потом оценили всю пользу травосеяния, и последнее стало быстро распространяться и по другим селениям; также убеждал крестьян приобретать сельскохозяйственные орудия и машины, развивать садоводство. Для более успешного достижения этих целей по моей инициативе было открыто Власьевское Кредитное товарищество, которое потом охватило 33 селения с количеством 800 с лишком членов; товарищество под моим председательством работало 11 лет; оно снабжало бедняков деньгами, приобретало для крестьян лучшие семена ржи, овса, льна, приобретало сельскохозяйственные орудия, выписывало из разных питомников яблони и другой посадочный материал и все это распространяло среди населения по своей цене. Причем мной безвозмездно выполнялась большая часть этой работы и бесплатно предоставлялось товариществу и помещение, и отопление, и освещение.

В 1914 году по моей инициативе и при моем непосредственном участии (я был при постройке и выработке кирпича и рабочим, и инженером, и мастером) был для товарищества выстроен бетонный дом 25x25 аршин, который существует и поныне. Общие собрания за такую мою самоотверженную работу в товариществе не раз протокольно выражали мне благодарность. Я был также и первым проводником кооперативной идеи в округе. Местные общества потребителей открывались по моей инициативе и работали при моем участии.

Вот вкратце моя жизнь и деятельность в приходе. Понятно, что такая моя общественная деятельность не могла встретить сочувствие со стороны тогдашнего гражданского начальства. Я считался в его глазах неблагонадежным, и моя деятельность была взята под подозрение. Вот почему, когда были выборы в 3-ю Государственную Думу от духовенства и моя кандидатура на уездном съезде прошла большинством голосов, я по требованию бывшего губернатора Бюнтинга, переданного мне через архиепископа Антония (Коржавина. – И. Д.), "как человек неблагонадежный", вынужден был снять свою кандидатуру. По распоряжению епархиального начальства я состоял членом уездного и губернского попечительств народной трезвости, но моя правдивая речь на одном из заседаний попечительства, в присутствии губернатора, о том, что правительство в борьбе с пьянством не вполне искренне, что те меры, которые выдвигаются правительством в этой борьбе в виде учреждений попечительств, являются лишь жалким паллиативом, ширмой и целей не достигают, что правительство слишком слабо борется с шинкарством и не помогает почти нам, отдельным борцам, что я испытал на своем опыте... навлекла на меня гнев губернатора, и я был немедленно уволен от членов уездного и губернского попечительств о народной трезвости, а издаваемый мной противоалкогольный журнал, выписываемый до того для чайных и читален попечительств по губернии, был изъят из библиотек и запрещен для выписки. В 1912 году в апреле за статьи против казенной продажи напитков, против монополий и другие статьи в журнале я был вызван губернатором и мне пригрозили высылкой из губернии и закрытием журнала, и только заступничество тогдашнего архиепископа Антония, ценившего мою деятельность по борьбе с пьянством, спасло меня от высылки, а журнал от его закрытия. По предложению архиепископа в виде компромисса над журналом была учреждена негласная цензура, и цензором был назначен бывший инспектор семинарии... которому с тех пор предварительно, до печати, и представлялся журнал для просмотра...»²

Для епархиального начальства церковная деятельность, которую вел священник, виделась настолько значительной, что отчет о ней включался в отчет о епархиальной деятельности перед Святейшим Синодом, а сведения о деятельности отца Николая печатались в «Тверских епархиальных ведомостях» для духовенства епархии, чтобы вдохновить и других священников на пастырский подвиг служения народу.

Благочинный в отчете на имя архиепископа Тверского и Кашинского Димитрия (Самбикина) в 1903 году писал: «Власьевское Общество трезвенников продолжает свою деятельность, привлекая все большее и большее число членов, которых возросло свыше 10 000. При чайной этого Общества, в доме Жуковых, в кануны дней воскресных и праздничных совершаются всенощные бдения председателем Общества священником села Власьева Николаем Лебедевым; им же или под его наблюдением ведутся беседы религиозно-нравственного содержания; читаются книги такого же содержания, иллюстрируемые нередко световыми картинками. В настоящее время это Общество, получив от Тверского губернского попечительства о народной трезвости 4000 рублей, устроило приют для алкоголиков, в котором занимаются разными мастерствами давшие обет трезвости. Этот приют освящен Вашим Высокопреосвященством 22 октября 1902 года, и с этого дня начат прием и занятия трезвенников...»³

В отчете за 1904 год о состоянии епархии говорилось: «Кроме приходских попечительств и братств существует 8 обществ трезвости, из коих особенной

плодотворной деятельностью отличается Власьевское Общество в Тверском уезде. При этом Обществе существует 6 отделений, открытых вследствие ходатайства пред правлением Общества местных священников и местного населения, а именно: в селе Бакланове Кашинского уезда, в селе Высоком того же уезда, в селе Локотцах Новоторжского уезда и в селе Белом Бежецкого уезда. Число членов Власьевского Общества в отчетном году превысило 17 000 человек...»⁴

В 1906 году священник Николай Лебедев был награжден камилавкой.

Во время революционных беспорядков в 1905 году отец Николай не оставил свою паству на расхищение злым волкам – социалистам и революционерам, но, узнав, что 25 ноября в селе Эммаус, расположенном неподалеку от Власьева, состоится митинг, на котором собирались присутствовать прихожане Казанского храма, отправился туда. Вот как он описывает эти события в показаниях, данных полицейскому приставу: «...О предстоящем в Эммаусе митинге я узнал только накануне его от одного крестьянина, присланного самими крестьянами села Эммаус и передавшего просьбу от них, чтобы я приехал на митинг и разъяснил бы крестьянам многое для них не понятное из того, что совершалось кругом их в то время. Я решил ехать; прибыл в Эммаус около 12 часов дня 25 ноября, народу еще не было, мне сообщили, что ждут ораторов из Твери. Многие крестьяне меня просили возразить ораторам, если будут смущать крестьян, так как сами они не сумеют, да и боятся.

Через какой-нибудь час собрался народ из окрестных деревень, явились наконец и ораторы. Приехало их четверо, в числе их были: студент Н.К. Скобников, сын Эммаусовского священника, родственник его жены (брат) Исполатовский, родственник Вячеслав, кажется Покровский, и четвертый мне совершенно не известный. Выступал с речами все время только один последний, остальные молчали. Речь свою оратор начал с того, что появление среди слушателей духовных лиц его удивляет, что духовенство обыкновенно, когда они где-либо появляются, скрывается и молчит, когда они говорят, от духовенства можно слышать было только их такой призыв: "бей студентов, бей интеллигенцию".

Я возражал тем, что такое огульное обвинение духовенства не справедливо, может быть и бывали такие печальные случаи призыва, но большинство духовенства всегда действовало и действует в духе христианской любви, во всяком случае, подобного призыва к избиению, наверно, ни прихожане села Эммауса не слышали от своего священника, ни мои прихожане не слышали от меня. Оратор, поддерживаемый своими товарищами, не хотел мне дать свободы слова, но крестьяне требовали, чтобы мне эта свобода была дана.

Оратор исходным пунктом своей речи взял смету государственного прихода и расхода за 1904 год, много говорил о статьях расхода на войну, на содержание армии, чиновников и указывал на отсутствие школ, на обременительность налогов и тому подобное. Говорил много о начале освободительного движения, говорил о манифесте, о реакции, о том, что манифест остался только на бумаге, убеждал крестьян не верить в Государственную Думу, что народ сам должен встать во главе страны и взять в свои руки власть, что эта власть не спадет с неба, что народ должен завоевать путем борьбы эту власть, убеждал крестьян, что эта борьба по местам уже началась и идет с успехом, что войска по местам переходят на сторону крестьян (причем факты действительности извращались), и в конце концов призывал народ к вооружению.

Мне приходилось несколько раз возражать оратору, указывать на извращение фактов и неправильное их толкование. По поводу армии мной говорено было, что нельзя за армией признать только того отрицательного значения, на какое указывает оратор: я указывал на историю нашей родины, указывал, как росло и крепло русское государство, и армия играла в этом росте великое значение. Я указывал на 12-й год, я указывал, что без армии немыслимы ни слава, ни могущество России, я указывал, что никакая милиция народная не заменит постоянной армии. Японская война ясно нам доказала, какие требования в нынешнее время предъявляются к армии, какими знаниями должен обладать каждый солдат, что, конечно, немыслимо, если постоянная армия будет заменена народной милицией.

Относительно податей мною было говорено, что виды государственной подати не так велики, как их представил оратор, земский сбор в иных местах превышает сбор государственный... говорил, что нельзя не сознаться, что платежи – это бремя для крестьян, и справедливое и равномерное распределение их между всем населением русского государства – есть задача всех лучших людей и самого правительства. Оратором были предъявлены разные требования для крестьян и рабочих: чтобы было бесплатное обучение, были повсюду школы, больницы, богадельни, страхование рабочих, помощь со стороны правительства в самом широком размере во время неурожая, и был поставлен вопрос: вот требуйте от правительства и то, и се, и третье – где же правительство возьмет денег? Говорилось мной, что прекращение платежей в настоящее время было бы прямым преступлением перед родиной и поставило бы нашу родину, и без того переживающую тяжелое время и несущую большие расходы, в безвыходное положение, за которое придется расплачиваться таким же крестьянам, прекращение платить подати остановило бы сразу жизнь великой монархии, каковой является наше государство; указывал, что платить-то все-таки придется, и крестьяне только неплатежом и следованием советам оратора наживают на свои головы новые неисчислимы бедды.

По поводу манифеста мною было говорено, что никто не виноват, что манифест и возвещенные им свободы русские люди поняли по-своему, поняли как произвол, как свободу делать то, что хочется. Указывалось на факты безобразий молодежи в разных местах. По поводу народного представительства говорилось, что о чем же оратор спорит, ведь высочайшею волей государя, выраженной в манифесте 17 октября, народ и призывается к управлению русской землей через своих выборных, в Государственную Думу и войдут свободно избранные от народа, которые и будут вместе с государем с помощью Божией устраивать жизнь русского народа на новых началах... И наша обязанность всеми силами стараться помочь нашему государю в его святом намерении и выборе честных, правдивых людей, преданных родине и государю, облегчить его заботу о благе российской земли.

Говорил по поводу призыва оратора к вооружению: против кого мы будем вооружаться-то? Неужели против лиц, исполняющих волю государя? Этот призыв я считаю верхом безумия, и лицам, призывающим к вооруженному восстанию, место не здесь, не среди нас, понимающих всю нелепость вооруженного восстания, – а в доме умалишенных. Говорил прямо: ну вооружайтесь – как же посмотрит правительство на вас тогда, конечно, как на бунтовщиков и пришлет к вам войска для усмирения. Что вы сделаете со своими ухватами, вилами, револьверами против пушек? Хотите вы устлать улицу своими трупами, но

подумайте, у вас есть дети, у вас есть жены, на кого они останутся. Врут вам, что солдаты в вас стрелять не будут. Если и в некоторых местах солдаты и бунтовали, то малая часть их, и притом под влиянием агитаторов. Вы слышали, чем кончились волнения эти в Кронштадте, Севастополе и тому подобном? Нет, всякий солдат всегда будет служить верой и правдой помазаннику Божию, своему государю, своей отчизне, своей вере православной, за защиту их всегда готов проливать свою кровь. Убеждал не особенно верить всяким посулам непризванных спасателей России и своей преданностью вере Христовой, своему государю, своей родине, исполнением своих прямых обязанностей помочь царю в его трудных делах управления землей и оправдать то доверие, которое государь оказал всем нам своим манифестом.

После речей под руководством агитаторов пели революционные песни. Речей после меня не произносили, лишь оратор был спрошен, будут ли еще говориться речи, и получен ответ, что нет. Ораторы оставили Эммаус раньше меня. Общее мнение было не в пользу ораторов... Общее мнение крестьян было таково: потерпели неудачу, какие это ораторы. Крестьянами была мне выражена глубокая благодарность. В моем приходе ораторов совсем не являлось. Хотя была слабая попытка один раз в школе, во время чтения, но ораторы тут потерпели полное поражение, и народ их попросил замолчать. То доверие, которое существует между мной и крестьянами, не делает благоприятной почвы для происков ораторов, этих непризванных радетелей русского народа...»⁵

В начале XX века быстрыми темпами стало развиваться обнищание русской деревни. В результате этого многие крестьяне направляли своих малолетних детей в Санкт-Петербург, где они попадали в руки мастеров, которые вместе с обучением ремеслам обучали их порокам, и в результате губили их и как будущих мастеров, и как здоровых людей. Пьянство и пороки стали приобретать среди народа все больший масштаб; появлялось все больше детей, лишенных родителей или чьи родители безнадежно погрязли в пороках. Столкнувшись с массой бездомных детей, отец Николай не мог пройти мимо них; христианский пастырь, он не мог не протянуть им руку помощи, и в 1907 году он принял решение организовать детский приют. С этой целью он составил воззвание, которое представил архиепископу Тверскому Алексию (Опоцкому). 12 октября 1907 года владыка написал: «С сердечным удовольствием разделяю добрую мысль и желанное для города Твери дело призрения нищих детей. Усерднейше прошу все приходские советы, состоящие при церквях города Твери, принять участие в сем святом деле... Воззвание это напечатать и в Епархиальных ведомостях, и в особой брошюре...»⁶

В этом возвании отец Николай писал: «Вы, конечно, видали, читатель, на улицах нашего города нищих детей; вы слышали их обычную голодную песню, которой они неизменно встречают и провожают всех проходящих по улицам: "барин, подайте копеечку... Христа ради... копеечку на хлеб..." И в темный дождливый осенний вечер, когда резкий холодный ветер пронизывает вас до костей и в теплой одежде, и в зимнюю студеную пору вы можете видеть маленькие фигурки этих несчастных, или робко прижавшихся к стене какого-нибудь дома или подъезда и тщетно пытающихся защититься от пронизывающего ветра и холода свое худенькое тело, плохо прикрытое какими-то жалкими лохмотьями, или робко протягивающих к вам свои окостеневшие от холода руки и провожающих вас своей обычной мольбой о помощи. Что же это за дети? Кто и что выгнало их из теплых домов на холод и дождь, на улицу, к безучастным

иногда людям?.. Это – несчастные дети – сироты, у которых нет ни тятки, ни мамки родной, нет ни теплого родного угла, нет никого, кто бы их обул, одел, накормил, приласкал, поприсмотрел за ними; беспощадный голод и нужда выгнали их на улицу искать себе там участия среди чужой им толпы...

Это – дети, у которых и тятка и мамка есть, но пьют они, не работают, которые все, что было в доме, променяли на водку, пропили все и теперь выгнали своих детей на улицу собирать копейки с тем, чтобы вечером пропить все, что насобирают те за день. Бедные несчастные дети!.. Чем вспомнете вы свое детство? И есть ли оно у вас – то счастливое, золотое детство, воспоминания о котором дают нам отраду в минуты житейских невзгод?.. На улице – голод и холод, насмешки и брань, а дома тот же голод и холод, и вдобавок колотушки пьяного, озверелого отца и ночной разгул и разврат... Вечно голодных, вечно холодных, вечно бездомных, вечно гонимых теперь, что же ждет вас, бедные, потом, когда вы подрастаете?.. Угадать не трудно. Или преждевременная темная, сырая могила, или та же безотрадная жизнь с неминуемым голодом и холодом, пьянством, развратом, болезнями... Уличные дети – это будущие бродяги, босяки, несчастные алкоголики, будущие воры, обитатели страшных ночлежных домов, домов терпимости и тюрем. Улица вытравит, выест в них все, что дорого и свято человеческому сердцу. Прийти на помощь хоть малой горсти этих несчастных детей, накормить, обогреть их, приласкать и присмотреть за ними и тем спасти их от неминуемой страшной пропасти и ставит своею задачей открываемый Обществом детский приют.

Мы не задаемся пока слишком широкими целями, и задача наша очень скромна. Дадим пока на первых порах приют 10 таким обездоленным детям; позволят средства Общества, откликнутся на наш зов добрые люди, придут на помощь доброму делу, – дело расширим, и десятки новых детей найдут себе пристанище в стенах нашего приюта. Приют будет смешанным, то есть для мальчиков и для девочек, так как и уличные девочки, по нашему убеждению, нуждаются не меньше, если еще не больше мальчиков, в призоре. На первых порах в приют будут приниматься дети школьного возраста, то есть от 7 до 12 лет. Мы не отрицаем права на приют за детьми и младшего возраста, но применять этого права сейчас не хотелось бы из той простой боязни, что присутствие малолетних может затруднить нас в правильной организации этого совершенно для нас нового дела; принимать же детей старше 12 лет мы не решаемся уже потому, что опасаемся, что дети, принятые в таком возрасте, могут иметь те или иные более или менее устойчивые дурные навыки и привычки, бороться с которыми не так-то легко, и могут оказывать вредное влияние на остальных детей приюта. Сословие и место жительства призреваемых при приеме не могут иметь значения. Принятые в приют дети могут оставаться в нем до такого возраста, когда будут в состоянии начать самостоятельную жизнь. За все время своего пребывания в приюте дети пользуются бесплатно столом, обувью и одеждой, причем в одежде и обуви соблюдается однообразие.

Во главе приюта, кроме правления Общества, должна находиться женщина, получившая образование и опытная в воспитательном деле, которая и должна заменить этим брошенным, несчастным детям их родную мать.

Под руководством заведующей дети и находятся все свободное от занятий время. Чем же будут заниматься дети в приюте?

Дети школьного возраста в учебное время будут ходить в местную школу, а по вечерам под руководством заведующей будут готовить уроки, свободное же

время будут посвящать чтению и беседам. Дети внешкольного возраста в зимнее время будут заниматься – мальчики ремеслами: столярным, переплетным, корзиночным и тому подобным, девочки же будут учиться кройке, шитью и рукоделию. А в летнее время пусть все работают в поле, огороде, саду, на пчельнике, пусть разводят питомники, ухаживают за яблонями, разводят ягодные кусты, клубнику, цветы, пусть учатся ухаживать за скотом... пусть запасаются знаниями, в которых так нуждается наша бедная родина, которые должны скрасить будничную, серую жизнь нашей родной деревни. Дети приюта не должны бояться никакой работы, пусть побольше привыкают к самостоятельности, пусть себя и обшивают и обмывают, сами себе готовят пищу и сами себе служат. Все работы в саду и огороде будут производиться под руководством опытного садовника, а работы на пчельнике – под руководством пчеловода. В свободное от занятий время для более взрослых, с целью пополнения их знаний, будут устраиваться лекции по сельскому хозяйству, пчеловодству, садоводству и другим предметам общеобразовательного характера.

В воскресные и праздничные дни все дети обязательно ходят к богослужению, принимают участие в церковном чтении и пении.

В часы досуга и отдыха будут устраиваться для детей игры, прогулки, катанья на лодках и другие разумные развлечения.

При выходе призреваемых из приюта правление Общества заботится о приискании им подходящего места и занятий, снабжает их необходимой обувью, одеждой и платьем, а если позволят средства, то, по своему усмотрению, оказывает и денежное пособие для первоначального устройства и вообще не оставляет без своей материальной и нравственной поддержки. Подумайте, читатель, каким великим благодеянием будет для несчастных заброшенных детей этот приют. Удалить их из трущоб и притонов, вырвать их из грязи нищеты, лжи и разврата, перенести их с грязных, мрачных улиц душного города в деревню, на чистый воздух, на лоно природы, с ее освежающим простором, окружить их полями и зеленью, обогреть, поприласкать их, приучить к честному, разумному труду и вообще поставить этих детей в условия, благоприятствующие физическому и духовному росту – разве это не великое, не святое дело, разве это несбыточная мечта? Если многие думают, что спасти взрослых немислимо, то в возможности спасти детей никто не отчаивается. Если старое, кривое дерево немислимо исправить, то не дать искривиться молодому посаженному деревцу вполне зависит от того, кто за деревцем ухаживает. Если горбатого, как говорят, только могила исправит, то не дать вырасти страшному горбу у ребенка, зависит от того, кто приставлен к ребенку. Ведь в детях наше будущее, будущее нашей бедной дорогой родины. Добрые, отзывчивые люди, братья и сестры! Сжальтесь над этими бедными, заброшенными, никому не нужными теперь детьми: сжальтесь над их воплем о помощи и во имя христианской любви и милосердия к бедным и обездоленным, во имя Завета нашего Спасителя, любившего детей и их благословлявшего, во имя, наконец, любви вашей к бедной родине, помогите нам хоть малую часть этих детей вытащить из той грязи и порока, среди которой они живут, помогите спасти их от этой неминуемой гибели, которая ждет этих детей, если только мы равнодушно пройдем мимо них и предоставим их самим себе; поддержите, ободрите нас в этом святом деле; чем вы скорее откликнитесь на наш зов, тем большее количество детей будет спасено. За всякую посильную жертву, идущую от сердца, мы будем благодарны, за всякую вашу лепту будут

благословлять вас эти дети, будут благословлять вас наш Спаситель и Царица Небесная, заступница всех скорбящих и обездоленных...»⁷

22 октября 1907 года, в день празднования Казанской иконы Божией Матери, покровительницы Власьевского Казанского Общества трезвости, в селе Власьево состоялось торжественное освящение и открытие приюта. Литургию совершил епископ Старицкий Александр (Головин) с духовенством благочиния. Один из священников, присутствовавших на торжестве освящения приюта, писал: «...Торжественное архиерейское служение при стройном и умелом выполнении песнопений литургии хором учеников духовного училища под управлением учителя Квинтилиана Квинтилиановича Вершинского, множество молящихся – все это производило на всех чудное трогательное впечатление... Общий вопль молитвы – молитвы горячей и пламенной были естественным выражением общего религиозного настроения. Казалось и сердцем чувствовалось, что действительно в этот час как бы Сама Царица Неба, призревшая на моление грешных рабов земли, очищала, возвышала, усиливала молитву к Царю Славы и, соединяя с молитвою грешной юдоли земной и Свою, сделала ее внутреннею живою силою, которая заставляет струны сердца грешника в такие моменты звучать чистыми высокими звуками любви к Богу и ближнему, преображает человека духовно и, соединяя всех в одну братскую семью, союз любви и мира, храм земной делает Небом, а союз людской Царством Божиим. В конце литургии было произнесено настоятелем храма, отцом Николаем, трогательное, сильное по мысли и чувству поучение, в котором проповедник яркими потрясающими душу картинами изобразил историю роста и процветания Общества трезвости под покровом и заступничеством Царицы Небесной, его неимоверную борьбу за отрезвление народа и с теми темными силами, которые всегда были тормозом на пути осуществления заветной идеи – отрезвления народа и которые моментами – в десятилетнее существование Общества трезвости – готовы были стереть с лица земли это полезное и богоугодное дело. В конце поучения отец Николай с чувством живой веры в Провидение Божие, с глубокою благодарностью и живейшим упованием на помощь Царицы Небесной говорил об устройстве приюта и братски, любовно призывал всех поддержать его во святом и трудном деле сочувствием, доверием, молитвою об успехе дела и возможною материальною помощью. Поучение настолько было сердечно, сильно духовно, молитвенно, что многих заставило плакать... После молебна в храме совершен был крестный ход в здание, предназначенное для приюта, при участии служившего духовенства во главе с преосвященным Александром и всех молящихся. Здесь в зале приюта... совершено было водоосвящение. Затем все комнаты приюта преосвященным Александром были окроплены святою водою. Тут же присутствовала и та горстка бесприютных детей (7 человек), для которой предназначено настоящее здание...

Небезынтересно отметить здесь, что дети все достаточно исковерканы и изломаны средою; видно, что жизнь – суровая и беспощадная – наложила на их духовный облик самый тяжелый и гнетущий отпечаток грубости, нравственной грязи и порочности. Один из питомцев был взят в приют при следующей обстановке: на окраине города на чердаке дома проживала его мать с несколькими детьми; отец – пьяница и вне семьи; мать – тоже; дети более взрослые занимались уличным попрошайничеством. Когда явились лица по указанию знавших эту семью в это несчастное место для того, чтобы вырвать из него кого-либо из детей, глазам их представилась следующая картина: на полу

чердака валялась пьяная мать; на старой протверне разведен огонек, около которого грелись полузамерзшие от холода дети; причем мать, узнав о цели прихода незваных гостей, стала ругаться. Но, несмотря ни на что, ребенок был взят и теперь в приюте. В настоящий год предположено принять их не более 13 человек. Трудно и очень трудно будет справляться с этой жалкой во всех отношениях детворой, но верим и надеемся, усилиями, самоотверженной работой отца Николая, всех его помощников и несомненною помощью Царицы Небесной, успех дела в той или иной степени будет на стороне горящих любовью к бедным, нищим и погибшим...»⁸

26 декабря 1908 года состоялось заседание епархиального съезда, на котором один из депутатов предложил прийти на помощь детскому приюту Власьевского Общества трезвости, который пострадал от пожара. По благословению архиепископа в «Тверских епархиальных ведомостях» в экстренном порядке было отпечатано воззвание о помощи с приложением подписных листов для сбора пожертвований как среди духовенства, так и прихожан. Воззвание было составлено священником Николаем Лебедевым.

«Год тому назад, – писал он, – 22 октября 1907 года, в день празднования иконе Казанской Божией Матери, Усердной Заступницы всех скорбящих и обездоленных, в селе Власьеве было положено начало доброму и святому делу – Власьевским Обществом трезвости был открыт детский приют. Устройством этого приюта хотелось прийти на помощь несчастным детям – сиротам, детям, брошенным своими родителями, детям улицы. Спасти хоть малую горстку таких несчастных детей от голода и холода, вырвать их из тех страшных трущоб и притонов, в которых дети эти иногда ютятся, вырвать их из нищеты, часто развращенной родной семьей, взять их с грязных, мрачных улиц душного города в деревню, на лоно природы, обогреть, приласкать, просветить их Светом Христова учения, приучить к честному, разумному труду – вот те цели, какие преследовал открываемый приют. Приют открывался без всяких средств, только с верой в помощь Царицы Небесной и добрых, отзывчивых людей. Первое время думали дать приют только 10–13 детям. Но лишь только открылись двери приюта, как пришлось столкнуться с таким беспросветным горем, с такой страшной нуждой и таким безвыходным положением некоторых просителей, что не хватало силы отказать им в помощи, и число детей в приюте скоро возросло до 32 человек (21 мальчик и 11 девочек), в возрасте от 4 до 11 лет. Сословие и место жительства детей в приеме не имели значения. Не легко, конечно, было справляться с таким количеством детей, когда средства, которыми располагал приют, были так ничтожны и неопределенны; но Бог – Отец сирот и нищих и Заступница рода человеческого помогали содержать приют, и средствами к содержанию были то членские взносы вступающих в Общество трезвости, то добровольные пожертвования частных благотворителей.

Зима была прожита. С наступлением весны решено было расширить существовавшее сельское хозяйство; хотелось, чтобы дети привыкали к крестьянским работам и кормились потом трудами рук своих. Ведение сельского хозяйства первые годы, при наемных рабочих руках, может быть, и не дало бы больших результатов, но потом, когда дети приюта подросли бы и представили из себя дружную, христианскую трудовую семью, приют мог бы окрепнуть и раскрыть свои двери для новых пришельцев – детей. Был снят в аренду огород около 4,5 десятины, засажен огурцами, капустой; устроены небольшие парники, заложен плодовой питомник, заарендованы луга, увеличена запашка на полях.

На все это затрачены были большие средства; надеялись потом вернуть эти затраты, но надеждам этим не суждено было сбыться. Вследствие неблагоприятной погоды весной и летом огород и поля принесли большие убытки. В довершение всех зол 9 сентября сего года приют постигло новое и страшное бедствие. От неосторожного обращения с огнем одного из рабочих в приюте произошел пожар, которым уничтожено было два больших сарая с сеном и хлебом; сгорело свыше 5 000 пудов клевера и лучшего лугового сена, весь ржаной необмолоченный хлеб от посева 54 мер и некоторые сельскохозяйственные машины (конная молотилка, веялка и тому подобное), всего на сумму 3 500 рублей. Имущество застраховано не было. Несчастье слишком большое, убытки слишком громадны и ничем не вознаградимы при настоящем тяжелом положении приюта. Надеялись с наступлением осени открыть при приюте свою школу, завести некоторые мастерства, но постигшие приют бедствия разрушили все эти планы, и теперь возникает страшный вопрос: быть или не быть приюту? Нет хлеба, нет корма для скота и свыше 2 200 рублей долгу, накопившегося по содержанию приюта в течение года.

Что же теперь делать? Закрывать приют? Но как тяжело, как мучительно больно будет учредителям и руководителям и всем, кто так или иначе заинтересован был в деле процветания приюта, видеть гибель и разрушение только что начатого дорогого для них и святого дела, в которое вложена была вся душа, которому отданы были все заботы и нравственная энергия. А потом возникает вопрос: куда же девать этих несчастных 32 человека – детей, что в приюте теперь нашли себе пристанище и ласку? Кому они нужны? Неужели выгнать их опять на холод, на улицу, вернуть их в прежние места страшной бедности, порока и нравственного растления? Но этого и представить нельзя без сердечного содрогания, глубокого сожаления и слез. Что же скажет нам тогда Христос Спаситель и Его Пречистая Мать, во имя Которых и создан был приют, во имя Которых отерты и осушены были детские слезы и предпринята была столь тяжелая и серьезная борьба с детской порочностью. Не ляжет ли на всех нас, христиан, великая нравственная ответственность за небрежение, преступную холодность и постыдное равнодушие к этому великому и святому делу призрения бедных детей.

Добрые, отзывчивые люди, братья и сестры! К вам мы решаемся обратиться со слезной мольбой: не дайте погибнуть начатому великому и святому делу призрения бедных, брошенных детей; спасите, спасите ради Христа наш детский приют; сжальтесь над этими несчастными детьми, помогите их великому горю, помогите нашей великой беде и своими посильными лептами дайте нам возможность продолжать святое дело приюта, дело призрения и воспитания бедных нищих детей. С октября месяца при приюте открыта церковноприходская школа. Поддержите, ободрите нас!

Ваша помощь теперь так необходима нам, так дорога; без нее дело приюта погибнет. Не смущайтесь тем, что вы не можете много дать; помните, что и скудная лепта бедной вдовицы была высоко оценена Господом. "С миру по нитке – голому рубашка", – говорит народная мудрость. Всякую помощь, как бы она мала ни была, мы встретим с великою благодарностью; за всякую посильную жертву, идущую от чистого сердца, будут благословлять вас эти несчастные дети, благословит вас и Сам Христос Спаситель и Царица Небесная, Заступница всех скорбящих и обездоленных, и воздадут вам сторицею за ваше великое дело любви к сиротам и несчастным детям...»⁹

Священник Николай Лебедев. 1908 год

«14 декабря 1908 года в чайной Власьевского Общества трезвости, что в городе Твери на Миллионной улице, состоялось общее собрание членов означенного Общества, на которое были приглашены и лица, так или иначе выразившие сочувствие возникшему 22 октября 1907 года при Власьевском Обществе трезвости детскому приюту. Председатель Общества трезвости священник села Власьева отец Николай Лебедев сделал доклад общему собранию, в котором изложил историю и мотивы открытия детского приюта при Обществе трезвости, а также сообщил о постигших приют несчастьях (неурожай и пожаре) и происшедшем отсюда затруднительном его положении в смысле материального обеспечения. Был представлен в собрание и проект изменения устава Власьевского Общества трезвости, по которому предполагалось организовать особый Попечительный Совет для изыскания средств на содержание детского приюта и для заведования им совместно с Обществом трезвости. Председатель собрания священник тверской Мирносицкой церкви Михаил Любский внес следующее предложение: "Прежде чем приступить к обсуждению предложенного проекта и избрать членов Попечительного Совета, не благоугодно ли будет собранию составить комиссию из членов Общества трезвости и сторонних лиц, присутствующих на собрании, и поручить ей на месте осмотреть приют, выяснить средства его содержания, а затем основательно обсудить вопрос об образовании Попечительного Совета и свое заключение представить следующему общему собранию". Собрание единогласно приняло это предложение отца председателя и избрало комиссию...

2 февраля 1909 года комиссия в составе пяти лиц... посетила Власьевский детский приют...

Детский приют помещается в довольно обширном деревянном здании, построенном ранее для приюта алкоголиков. Здание это стоит в поле, на открытом месте, в версте от села, на церковной земле. Внутри здание разделяется на две половины (вдоль) довольно широким коридором, по сторонам которого расположены комнаты: классная, корзиночная мастерская, рукодельная для девочек, квартиры заведующей, ее помощницы, псаломщика-учителя, две спальни, столовая и кухня. Дети были собраны в классной комнате, довольно просторной, светлой и чистой. Всех детей 35: 24 мальчика и 11 девочек, в возрасте от 4 до 15 лет. Выглядят они как и вообще деревенские школьники. На некоторых, правда, сильно и заметно выражен отпечаток порочности родителей: неправильное строение головы, бледность лица, больные глаза, следы парши. Держат они себя непринужденно, но не грубо. Под руководством псаломщика они все пропели... несколько церковных песнопений и молитв. В воскресные и праздничные дни они поют в церкви на левом клиросе. Налаживается церковноприходская школа, в которой пока учит псаломщик. Воспитательная часть, насколько можно было заметить, поставлена довольно хорошо... Мы свидетели того, как дети при нас ласкались к отцу Николаю... Ясно, что они привязаны к нему и понимают, что он их приютил. Мы и в отсутствие отца Николая опрашивали детей, хорошо ли им в приюте, и получали один ответ, что хорошо. И служащие в приюте лица, как видно, преданы своему делу и любимы детьми. Нас дети встретили с радостью и охотно с нами разговаривали. Кроме школьных занятий, мальчики занимаются плетением корзин из прутьев под руководством особого мастера, а девочки шитьем рубашек и платьев для приюта под руководством помощницы заведующей. Мы видели работы мальчиков и девочек и нашли их удовлетворительными.

Спят дети на отдельных койках. Постелью служат старые тюфяки, покрытые белыми коленкоровыми простынями. У каждого по подушке. Одеяла и шерстяные и ватные. Конечно, по средствам и обстановка. Хотелось бы видеть все поновее и почище, но можно мириться и с тем, что есть. Во всяком случае, и эта обстановка лучше обыкновенной крестьянской, где детям приходится валяться чуть не на голом полу и одеваться лохмотьями.

В столовой довольно чисто. Дети два раза в день пьют чай с хлебом, которого дается вдоволь. Едят щи со сметками и кашу с постным маслом, а в скоромные дни – щи с мясом, кашу и картофель. К чаю дается белый хлеб и баранки.

По осмотре приюта прошли на скотный двор. Скота оказалось – крупного и мелкого – 21 штука. Скот обыкновенный, крестьянский. За недостатком корма он несколько заморен. При нас давали скоту уже покупное сено. А еще три месяца предстоит кормить его. Расход по этой статье предвидится весьма значительный.

При разговоре с отцом Николаем о средствах содержания приюта выяснилось, что приют живет в долг, которого накопилось до 3 000 рублей и который с каждым днем нарастает все больше и больше.

Комиссия, вполне сочувствуя поддержанию детского приюта, и от себя обращается к обществу с горячим призывом: поддержите детский приют в трудную для него минуту своими пожертвованиями и не дайте погибнуть доброму и полезному начинанию отца Николая!...»¹⁰

В 1909 году правление Власьевского Общества трезвости опубликовало в «Тверских епархиальных ведомостях» отчет о поступивших пожертвованиях. Члены правления писали: «Правление Власьевского Общества трезвости считает долгом довести до сведения епархиального духовенства и других добровольных жертвователей, что детский приют Общества с Божиею помощью, при содействии добрых, отзывчивых людей продолжает переживать тяжелые испытания, ниспосланные ему Провидением. В настоящее время в приюте призревается 35 человек детей... В течение времени с 1 октября 1908 года по 1 февраля 1909 года на содержание приюта израсходовано 1634 рубля 25 копеек... на приход в течение означенного времени поступило 891 рубль 39 копеек; в числе коих добровольных пожертвований от причтов и церквей епархии, а также других частных лиц 549 рублей 32 копейки. Никаких пособий ниоткуда, кроме добровольных пожертвований, приют за это время не получал. Не имея возможности, во избежание расходов, лично уведомлять отцов настоятелей церквей епархии и других частных благотворителей, приславших свои пожертвования на приют, каждого в отдельности, правление Общества печатает список жертвователей в "Тверских епархиальных ведомостях". – Как отрадно видеть и сознавать, что некоторые отцы настоятели церквей и другие лица с должным христианским вниманием и серьезностью отнеслись к великому и святому делу призрения несчастных беспризорных детей, близко приняли к сердцу великое горе приюта и детей его и оказали свое горячее содействие в деле братской ему помощи.

Приносим свою самую сердечную благодарность всем, откликнувшимся на наш призыв и приславшим свои посильные лепты на дело приюта, а также всем, потрудившимся в деле сбора пожертвований на него, и призываем на всех Божие благословение и покров Царицы Небесной за их отзывчивость постигшему нас горю, за их христианскую любовь к этим несчастным, никому не нужным детям; пусть знают, что эти посильные лепты помогают нам спасти дело приюта, и мы верим, что оно не погибнет и мы с помощью добрых людей переживем постигшее нас горе»¹¹.

Однако, несмотря на активную деятельность отца Николая по сбору пожертвований, несмотря на поступившие пожертвования, ущерб от пожара был настолько существенен, что его не удалось компенсировать, и впоследствии приют пришлось закрыть.

Одним из главных недостатков тогдашнего общества была его малопросвещенность. Все просвещение народа было сосредоточено только в Церкви и около Церкви. Но как только крестьянин уходил от Церкви, переставал посещать храм, интересоваться духовным, он тут же оказывался окруженным беспросветной тьмой. Если он был грамотен, то оказывался перед морем литературы, обучающей страстям и имеющей разрушительный характер как по отношению к человеческой личности, так по отношению к государству и социальным институтам. Чтобы хоть как-то содействовать просвещению народа, и в особенности крестьян, отец Николай основал в 1909 году журнал «К Свету», который издавался им до революции 1917 года, прекратившей всякую церковную и культурную деятельность в издательском деле.

В первом номере журнала за 1910 год отец Николай писал: «Темные, зловещие тучи продолжают окутывать нашу бедную, страдающую родину. Когда мысленным взором окинешь всю русскую землю, когда пред глазами предстанет страшная картина тех нестроений, тех язв, которые разъедают

современную русскую жизнь, современное русское общество, как-то жутко становится на душе; страшная боязнь, боязнь за будущее России, за будущее русского народа невольно закрадывается в сердце каждого русского человека, любящего свою родину и преданного ей. Начинают расшатываться те устои, те основы, на которых искони покоилась Русь православная, потоптаны, поруганы те идеалы, те верования, те святые заветы, которыми жил православный русский народ, которыми созидалась его сила и мощь, мощь русского государства. Православный русский народ потерял веру в Бога, забыл Христа Своего, забыл Его святые заветы, оставил путь Правды Божией и пошел по распутьям века сего... Ведь ни для кого не тайна то, что современное русское общество в большинстве своем стало совершенно индифферентным к вопросам веры и религии и к самой Церкви Христовой, как хранительнице этой веры. Как для многих русских людей прежде святые слова: вера, Бог, православие – стали теперь пустыми звуками, каким-то прискорбным недоразумением, а Христос, настоящий, подлинный Христос – каким-то предрассудком, исторической ошибкой людей. Как многие стараются высокое, вечное учение Христово, самое христианство опровергнуть и заменить его другими, человеческими учениями, а Христа Богочеловека заменить простым человеком. А с ослаблением веры в Бога, этой великой святости, великого сокровища русского народа, с забвением Христа и Его великих заветов, у русского народа появились новые понятия, новые верования и идеалы, новые законы, законы чисто человеческие, иногда совершенно не согласные, противные законам Божеским. И по этим-то законам русский человек стал строить свою жизнь, как личную и семейную, так общественную и государственную. У современного русского общества явились новые понятия о чести, долге, собственности, о человеке и его назначении на земле. Хищение, грабежи заменили прежнее священное право собственности; свобода как своеволие, как полная разнузданность страстей, свобода от всяких законов Божеских и человеческих, нашла себе широкий простор в русской жизни. Заметно, как постепенно разрушается семейный очаг и святость семейной жизни теряет свое прежнее обаяние, свою прежнюю прелесть, и место ее занял утонченный и грубый открытый разврат. Стремление к чувственным удовольствиям, страсть к наживе, к деньгам постепенно заглушили другие, высшие, духовные интересы и все покорили себе. Личность человека обесценена. Убийство с целью грабежа, из-за мести, по злобе; самоубийство всевозможных видов – на почве недовольства судьбой, разочарования в жизни, на почве нужды и тяжелых лишений – стали заурядным явлением современной русской жизни и перестали уже волновать русское общество, леденить душу читателя.

Иссякла христианская любовь друг к другу, взаимное доверие, справедливость и честность, милосердие к немощному брату и сострадание, а их заменили черствый эгоизм, желание, чтобы только себе было хорошо, зависть, алчность, вражда, ненависть и злоба... И в русском человеке стал просыпаться зверь... Православный русский народ остался православным только по имени, а по жизни своей стал язычником, и даже хуже его.

Загляните теперь в деревню, и там так мало отрадного, светлого. В деле индифферентности к религии, равнодушия к вере, Церкви Христовой, к ее заветам деревня идет быстрыми шагами; в нравственном отношении простой народ в последнее время страшно опустился, одичал, озлобился; в материальном отношении положительно обнищал, дошел до голодовки. Неурожаи последних лет, отсутствие заработков, падение промыслов страшно подорвали

благополучие деревни и довели крестьянское хозяйство до полного упадка. Забота о том, как бы с семьей не умереть с голода и дожить до "нови", забота о насущном куске хлеба наполнила всецело русского мужика, заняла его ум, его душу; другим запросам, другим интересам, более высоким, духовным не остается и места.

А тут еще это пьянство проклятое, этот ужасный бич русского народа, эта страшная, гнойная язва русской жизни окончательно подтачивает здоровье, силы и материальное благополучие нашей деревни, убивает в ней все доброе, все святое. Страшное пьяное море все шире и шире разливается по бедной русской земле и грозит совершенно ее затопить. Неисчислимы, страшные бедствия несет оно дорогой нам отчизне. Дерутся и режутся братья, и мать дочерей продает, плач, песни, вой и проклятья... А питейное дело растет... Стоном стонет русская земля от этого страшного бича человечества, от этого носителя горя и страданий людских, и страшную боль в душе этот стон раздастся... И хочется, страшно хочется крикнуть всем братьям по вере, всем русским людям: православные русские люди, дорогие братья, куда вы идете? Ведь вы сбились с пути, и счастья, покоя вне вам Христа не найти... Опомнитесь, вернитесь к Нему, Христос все: Он – единый вечный путь, Он – жизнь наша, Он – свет, Он – Сама Истина...

И так постоянно напоминать людям – братьям о Боге, о Христе и правде Его, правде, поруганной и осмеянной теперь на земле, звать людей ко Христу, к этому Истинному Свету, просвещающему и освящающему всякого человека; говорить о забытых человечеством великих и вечных заветах Божественного Учителя, заветах правды, мира и любви, и при свете их разрешать все жгучие "проклятые вопросы" современной жизни, и на этих великих началах пытаться перестроить жизнь современного общества, отдельных его членов – вот одна из задач нашего журнала.

Внести хотя бы слабые лучи света, лучи знания и веры в темную, забытую, бедную деревню, помочь крестьянину советами в его многотрудной, полной житейской заботы и невзгод жизни, доставить ему разумное чтение, ободрить, помочь тем, кто бредет по тяжелой житейской дороге с жаждой знания и верой в груди, без понятия о правде и Боге, как в подземной тюрьме без свечи – вот еще какую работу принимает на себя наш журнал.

Нарисовать, наконец, яркими красками страшную картину пьянства народного, гибельные последствия этого страшного зла для нашей родины; картину разложения от пьянства семьи, общества, государства; указать, что предпринимается против этого ужасного бича человечества у нас в России, за границей; сказать, как борются лучшие люди на свете за трезвость святую; указать, как в последнее время во многих уголках православной нашей Руси загораются огоньки Божьего трезвого дела; призвать на эту святую борьбу новые лучшие силы отчизны; помочь тем, кто изнывает под бременем пьянственной страсти и ищет из нее выхода, поддержать и объединить всех тружеников на ниве народного отрезвления, сплотить их в одну дружную семью, одну могучую рать и пойти открытой войной против страшного врага родины – пьянства народного; изгнать его, изгнать совершенно из родной страны, освободить русский народ от тяжелого рабства его – вот за что будет ратовать наш журнал. Поведем эту борьбу во славу Божию, по чувству христианской любви к ближнему, под покровом святой Церкви Христовой.

И так все, что способно будет разогнать зловещие тучи, окутавшие нашу отчизну, что может хоть отчасти ослабить сгустившуюся вокруг нас страшную

тму, все, что может побудить в человеке добрые, теплые чувства, что может возбудить в душе его жажду правды, мира, добра и любви, укреплять и развивать в нем эти святые начала – найдет место на страницах нашего журнала. Не легка наша задача; чувствуем, что мы слабы, немощны, чтобы справиться с ней, но мы крепко, свято верим в то, что лучшие, отзывчивые люди русской земли, болящие ее язвами и недугами и страстно желающие ей обновления и спасения, откликнутся на наш страстный призыв и помогут нам своими знаниями, опытом... советами; помогут нам держать крепко то высокое знамя, которое пишем мы на нашем журнале, мы верим, что в этом духовном общении нашем с дорогими читателями, в этом тесном единении с ними мы почерпнем для себя нужную силу и мощь, мы верим, что в этой дружной совместной работе на пользу дорогого русского народа залог нашего дела, верный успех нашего журнала. Итак: кто жив человек? – Отзовися... К Свету, братья, к Свету, дорогие читатели! С Богом, за дело!..»¹²

Как часто бывает, новое доброе дело сразу же встретило препятствия и затруднения. Священник Ветлин так описывает их в статье, опубликованной в «Тверских епархиальных ведомостях»: «В декабре 1909 года епархиальный съезд духовенства Тверской епархии совместно с представителями от мирян – церковными старостами признал необходимым, в целях борьбы с пьянством, открыть Губернское Общество трезвости. Это Общество должно объединить все частные общества трезвости в губернии. Организацию Губернского Общества трезвости съезду было угодно поручить священнику села Власьева отцу Николаю Лебедеву. Через месяц по окончании занятий съезда отец Николай Лебедев уже вступил на путь практического осуществления пожеланий съезда, и 31 января вышел в свет первый номер издаваемого им журнала "К Свету". Издание журнала предпринято с тою целью, чтобы все духовенство епархии в полном своем составе получило возможность высказать свои думы и суждения по вопросу о рациональной борьбе со страшным бичом человечества – алкоголизмом. Отец Николай Лебедев, понятно, не мог взять на себя одного всю ответственность за организацию общепархиального дела. Дело борьбы с пьянством не есть дело одного отца Николая. Это дело всего духовенства и всех мирян епархии, дело всей Церкви. И необходимо, чтобы вся эта Церковь, в полном своем составе, как живая организация, одухотворенная одним Духом Божиим, взялась за это дело.

Необходимо, чтобы все люди, поднявшиеся до уразумения высших задач жизни, вложили свои силы, свою энергию в великое дело борьбы с алкоголизмом. Но инициатива здесь, несомненно, принадлежит духовенству, потому что ведь ему вверены Богом заботы о благосостоянии святых Божиих церквей.

И нельзя предположить, что духовенство отнесется равнодушно к исполнению своего священного долга.

Несмотря на то, что журнал "К Свету" вышел только в количестве пяти номеров и не мог быть еще достаточно популяризирован, уже получены самые благоприятные отзывы о нем...

Но при самом симпатичном отношении отдельных лиц к новому журналу он все-таки не может иметь успеха, пока все епархиальное духовенство не поддержит его своим вниманием. До 1 марта в редакции журнала было всех подписчиков только 70 человек (половина из них – лица светских званий), и большинство подписались на полгода. От розничной продажи первых трех номеров редакция получила 30 рублей 35 копеек...

Очевидно, что если редакционная касса будет долго находиться в таких же условиях, в которых она находится сейчас, то очень скоро иссякнет небольшая сумма (217 рублей), собранная на епархиальном съезде на организацию Епархиального Общества трезвости... Других средств у редакции нет. Губернское попечительство о народной трезвости на просьбу о поддержке журнала ответило пока отказом. Принимать какие-либо меры к организации принудительной подписки редакция находит неуместным. Что же делать? Открывается дилемма: или духовенство должно поддержать то дело, которое начато им на епархиальном съезде, или оно будет свидетелем смерти начатого им благородного дела. Конечно, редактор-издатель журнала "К Свету" священник Николай Лебедев предпримет все меры к тому, чтобы журнал не умер. Ведь едва ли найдутся люди, которые на похоронах молодого журнала будут радоваться! И чтобы не доставлять духовенству огорчения, отец Николай Лебедев будет напрягать все свои силы, будет изыскивать средства... Припоминаю, например, такой факт. Встречаю однажды отца Николая в Твери. Усталый, бледный... Спрашиваю: в чем дело? Да вот ходил к одному из членов эмеритальной кассы, отвечает отец Николай, хотел выяснить вопрос, не могу ли получить обратно все свои эмеритальные взносы, сделанные в течение 15-ти лет. Деньги крайне нужны для приюта малолетних. Приют основан на средства Общества трезвости, а у Общества денег сейчас нет. Надо же как-нибудь поддерживать общественное детище! Всякому известно, как ревниво духовенство оберегает свои эмеритальные взносы. Эти взносы до известной степени застраховывают его от голодовок в случае инвалидности. Но отец Николай благо свое личное и благо своей семьи приносит в жертву благу общественному. Да и мог ли он еще быть уверен, что его жертва даст определенные благоприятные результаты? Кто знает, сколько борьбы с самим собой, сколько нравственных страданий перенес человек, прежде чем решился на такой шаг. Теперь, по-видимому, судьба готовит отцу Николаю новое испытание. Порученное ему общественное дело близится к кризису, благодаря равнодушию самого общества. И у кого же поднимется рука, чтобы указать отцу Николаю на его эмеритальные взносы как на источник для покрытия дефицита по изданию нового журнала?

Человек взял на себя огромный, ответственный труд. Черновая сторона работы едва ли может быть заметна для постороннего глаза, едва ли может быть учтена по достоинству лицами, не соприкасающимися с теми условиями, в которых находится вообще редакторское и издательское дело. Человек мучается, терзается, расходует силы, здоровье. Работает бесплатно. Неужели можно пройти мимо этой работы? Только подойти, посмотреть и идти дальше.

А между тем новый печатный орган мог бы находиться в особо благоприятных условиях, если бы этого пожелало духовенство. В нашей епархии имеется около 1200 причтов. В каждом причте – минимум два лица. Получается целая армия служителей слова в количестве 2500 человек. Каждый из них может быть корреспондентом. Каждый может взять на себя нравственное обязательство хотя бы однажды в месяц давать сообщения о разных явлениях местной жизни. Желательны сообщения по преимуществу о светлых, добрых проявлениях жизни. Ведь в каждом приходе есть что-нибудь свое, типичное, интересное, достойное обсуждения, общественного внимания. Если где и замечается духовная беднота, то можно надеяться, что по мере увлечения носителей культуры печатным словом эта беднота сократится, уступит место положительной, творческой работе. Священники, как законоучители в земских и церковноприходских школах,

могли бы пригласить школьных деятелей к участию в епархиальном органе. Несомненно, нашлись бы как в городских, так и сельских приходах интеллигентные люди, которые, по предложению пастырей церкви, могли бы внести лепту своего труда в общее дело. Наконец, у нас есть Духовная семинария с большим персоналом служащих лиц, есть два епархиальных женских училища, есть семь духовных мужских училищ. Во всех этих учебных заведениях есть хорошие свежие силы, которые, по-видимому, не имеют никаких оснований оставаться равнодушными ко всякого рода добрым общественным начинаниям. И если журнал "К Свету" кого-либо из нас не удовлетворяет, если мы находим в нем недостатки, то ведь от нас же зависит и устранение этих недостатков. Бледнота печатных органов в значительной степени зависит от нашей духовной анемии, от нашей инертности, от наших эгоистических инстинктов, от нашей склонности к будничному, обывательскому "прозябанию".

Мне приходилось слышать довольно оригинальные суждения о новом журнале. Находят, например, что журнал не может иметь большого распространения потому, что он ставит слишком узкую цель – борьбу за трезвость. "Если я не пьяница, – рассуждает глубокомысленный "критик", – то зачем же я буду читать журнал и выписывать его! Теперь слишком много печатается материала, и выдумывать новый орган – бесполезная роскошь!" Но представим себе, что подобными "критическими" мыслями заразятся все деятели печатного слова. Ведь тогда падет все печатное дело! Вся литература – эта гордость человеческого духа – должна погибнуть, потому что в сущности нет ничего нового под солнцем, и все, о чем будет говорить литература завтра, было уже сказано несколько веков назад. Погибнет литература, погибнут, в частности, печатные органы борьбы с пьянством, и останутся одни... "трактиры с крепкими напитками". Да если "критики" и не страдают слабостью к крепким напиткам, то это обстоятельство еще не дает им права игнорировать противоположную литературу. Не каждый же читатель способен, например, нарушить восьмую заповедь, но никто не будет отрицать необходимость гласности по отношению к нарушителям прав чужой собственности. Не каждый обыватель согласится признать себя виновным в нарушении целомудрия, но едва ли кто будет отрицать пользу литературы, призывающей к борьбе с безнравственностью, и так далее.

Известно, что святитель Димитрий Ростовский, пламеневший огнем борьбы за истину Христову, высоко ставил значение печатного слова. Он пишет: "Бог о летописании мене не истяжет. А о сем, аще молчать против раскольников буду, истяжет. Не спит страж, стрегий нощию: не подобает и духовнаго стада пастырю сонливу быти. Речеса во псалмех: не воздремлет, не уснет храняй Израиля". И в другом месте: "устная беседа близ токмо слышится, а яже писанию предаются, та и в концы вселенная происходят"...

Если причт, по недостатку личных средств, не найдет возможным в год уделить три рубля на выписку журнала, то настоятель церкви может предложить церковному старосте выписать журнал на добровольные приходские пожертвования, причем следует указать на протоколы епархиального съезда, где выражено согласие церковных старост на организацию Губернского Общества трезвости. Такие кооперативы – как кредитные товарищества, потребительские лавки, общества трезвости, а также библиотеки и читальни могут выписать журнал без особого ущерба для своего бюджета. Во всяком случае необходимо, чтобы каждый приход выписал по одному экземпляру журнала. Тогда будет

правильно поставлено издательское дело, журнал с честью выполнит возложенную на него миссию, и останутся средства для дальнейшей организации Губернского Общества трезвости...»¹³

Во все время существования журнала «К Свету» все заботы, вся тягота ежедневных трудов лежала на отце Николае. Вот как писал об этом один из сотрудников журнала: «...К величайшему сожалению, № 1 журнала "К Свету", как видите, слишком запоздал своим выходом. Конечно, многие обвинят редакцию, – "поленилась редакция" – наверное, скажут некоторые из вас. Нет, друзья! Слишком трудна при одиночестве, слишком "кропотна" работа по составлению номера журнала, а особенно в первый месяц нового года. Тут и переписка с сотней редакций об объявлениях, и переписка с читателями и сотрудниками, контакты с типографией, с почтой, со служащими... словом, что-то невыразимое творится в каждой редакции в начале года, а особенно там, где приходится работать одиноко, без помощников, и я удивляюсь, как это не "свалится" от переутомления наш глубокоуважаемый редактор отец Николай...

Как сложна редакционная работа. Помню, как часто с отцом редактором мы сидели "напролет" целые ночи над составлением журнала, исправляя рукописи, делая мелкие заметки, проверяя корректуру и тому подобное, и верьте, читатель, легче возить воду на себе, чем эта работа по изданию журнала. Каждый номер "в болезнях" рождала редакция. Прожив четыре месяца под одной кровлей с отцом редактором, я при помощи добрых людей "пристроился" в казенное учреждение, но связи с приютившим меня журналом я не покидаю и сейчас. Но, несомненно, много помогать редакции я уже не могу... А отец редактор все неутомимо работает и работает и, конечно, в "болезнях рождает чадо свое"...»¹⁴

За три года своего существования журнал обратил на себя внимание читателей и в других епархиях, все чаще стали печататься о нем положительные отклики как об одном из лучших журналов, который представляет интерес не только для крестьян, но и для образованных людей. Один из священников Волынской епархии опубликовал в «Волынских епархиальных ведомостях» такой отзыв о журнале: «Журналы все больше наполняются объявлениями об открытии подписок на 1913 год...

Но вот важный вопрос: какой журнал в настоящее время более всего пригоден для народного чтения, притом доступный для каждой церкви по цене?!

Пишущий эти строки давно и много этим вопросом интересовался; не один год он тратил по несколько рублей своих денег на выписку журналов... для прихожан, пока наконец не остановился на журнале "К Свету", который понравился крестьянам и очень полезен для них. Впрочем, я должен оговориться. Журнал "К Свету" с удовольствием и пользой мог бы быть прочитан и каждым образованным человеком, сочувствующим просвещению народа в духе религиозно-нравственном, а пастырь, кроме того, мог бы воспользоваться им, как отличным пособием при ведении внебогослужебных бесед с народом.

Помещая в журнале "К Свету" статьи, между которыми проходят чрез все номера журнала интересные по содержанию и картинному изложению и вообще очень назидательные рассказы, повести, очерки на разнообразные темы: против неверия, против пьянства и за трезвость, против хулиганства, сквернословия и так далее, – отец Николай Лебедев (издатель-редактор), очевидно, болеет душою за погибшего брата и много трудится для того, чтобы внедрить в сердцах народа веру в Бога, страх Божий, честность, трезвость и другие добродетели. Широкий отдел уделен антиалкогольной литературе. В каждом номере журнала

помещаются весьма назидательные стихотворения, написанные благозвучно (многие годятся для заучивания детьми в школе). Есть краткий отдел – "Церковно-общественный". Вообще журнал разнообразный по содержанию. Между прочим, имея желание расширить рамки своего журнала (конечно, при условии достаточного для этого числа подписчиков), издатель приглашает в сотрудники священников и других лиц, способных своим словом "зажечь сердца людей".

Я высказал свой взгляд на достоинства журнала "К Свету", а также отметил отношение крестьян к нему. Небольшие деньги (2 рубля 30 копеек) пришлось бы пастырю затратить из церковных сумм для того, чтобы самому убедиться – прав ли я был, рекомендуя для выписки народу журнал "К Свету"..."¹⁵

15 декабря 1913 года, в значительной степени усилиями отца Николая, в Тверской епархии состоялось открытие Епархиального Общества борьбы с народным пьянством.

«...Открытие общества, по мысли высокопреосвященнейшего архиепископа Антония, приурочено было ко времени епархиального съезда духовенства, дабы тем дать возможность желающим депутатам вступить в число его членов и, таким образом, с первых же шагов его связать с жизнью всей епархии, и назначено было на 15 декабря.

В кафедральном соборе высокопреосвященнейшим архиепископом Антонием была отслужена поздняя литургия в сослужении ректора семинарии архимандрита Вениамина, протоиереев П.А. Соколова, Н.Н. Богословского, настоятеля Николо-Столпенской пустыни – игумена Амвросия и представителей известных в Тверской епархии обществ трезвости – власьевского священника Н.В. Лебедева и вышневолоцкого Успенского отца И.И. Виноградова. По окончании Божественной литургии и прекрасной речи владыки Антония о вреде пьянства, о необходимости, значении и целях открываемого Общества трезвости, был отслужен торжественный молебен, в котором приняли участие и некоторые депутаты от духовенства, и руководители обществ трезвости в епархии. В час дня в городском архиерейском доме, любезно предоставленном высоким хозяином высокопреосвященнейшим Антонием, при собрании городского духовенства, депутатов съезда, как священников, так и церковных старост... торжественно состоялось и самое открытие Общества в таком порядке.

Вначале хором архиерейских певчих было пропето "Царю Небесный", затем высокопреосвященнейшим Антонием сказано было несколько слов о задачах открываемого Общества и почему именно открытие его приурочено ко времени епархиального съезда. Затем священником Н. Лебедевым прочитан был устав Общества, после чего хор исполнил 5-ю песнь канона на утрени в Великий Четверг "союзом любви связуеми апостоли"... Оглашен был список членов Общества, как действительных, то есть давших обет безусловной трезвости (34 человека), так и членов-сотрудников (43 человека), то есть сочувствующих целям Общества, но не пожелавших взять на себя обязательства полного личного воздержания от употребления спиртных напитков. После чего председатель Власьевского Общества трезвости и редактор-издатель журнала "К Свету" священник Н. Лебедев сказал речь о важности переживаемого момента для епархии, задачах новооткрываемого Общества, необходимости для духовенства подвига полного личного воздержания, подвига, вызываемого переживаемым историческим моментом и повелительно налагаемого на каждого пастыря его пастырской совестью и высоким призванием быть светильником для паствы и

своею жизнью подавать пример пасомым. В заключение он горячо призывал духовенство и лучших из мирян примкнуть к неотложному и святому делу борьбы со страшным злом нашей родины, народным пьянством, и глубоко благодарил высокопреосвященнейшего владыку Антония за то, что он помог осуществить такое доброе и неотложное дело, и выразил надежду, что открытое Общество под его мудрым руководством расцветет и окрепнет. Архиерейский хор затем исполнил тропарь благоверному князю Михаилу Тверскому. Высокопреосвященнейшим архиепископом Антонием выяснены были права и обязанности членов действительных и членов – сотрудников и затем были произведены закрытой баллотировкой выборы должностных лиц. Председателем единогласно был избран владыка Антоний, товарищем его – ректор семинарии архимандрит Вениамин, секретарем – священник села Власьева Н. Лебедев, кандидатом к нему – священник К. Ветлин, членами правления – священник Александро-Невской церкви города Твери Л.И. Крылов, епархиальный миссионер – священник И.И. Ильигорский и протоиерей кафедрального собора П.А. Соколов – и кандидатами к ним священник Никольской церкви П.Х. Соколов и священник женского монастыря А.К. Бенеманский... Органом Епархиального Общества трезвости избран журнал "К Свету", на что редактор-издатель последнего священник Н. Лебедев изъявил свое полное согласие, а небесным покровителем Общества – святой благоверный великий князь Михаил Тверской...»¹⁶

Понимая, насколько зависит материальное положение крестьян от природных условий, отец Николай часто устраивал беседы с ними на сельскохозяйственные темы, он убеждал крестьян улучшать обработку земли, а также следить за тем, чтобы почва не истощалась, убеждал приобретать современные сельскохозяйственные машины и инвентарь, с помощью которых можно свой труд сделать и производительней и легче. Для практического осуществления этих задач священник учредил Власьевское Кредитное товарищество, которое своей деятельностью охватывало 33 селения с 800 жителями. Товарищество проработало одиннадцать лет, все это время снабжая бедняков деньгами, приобретая для крестьян лучшие сорта посевных материалов, сельскохозяйственные машины, выписывая из питомников плодовые культуры. Все это Товарищество распространяло среди крестьян по недорогим ценам. В 1914 году для Товарищества был выстроен отдельный каменный дом.

Когда начались гонения от безбожной власти на Русскую Православную Церковь, отец Николай ни в чем не изменил своим принципам, не изменил и своей ревности о спасении душ вверенных ему Богом православных. Вот как описывает он свою жизнь после большевистского переворота во время ареста и допросов в 1929 году.

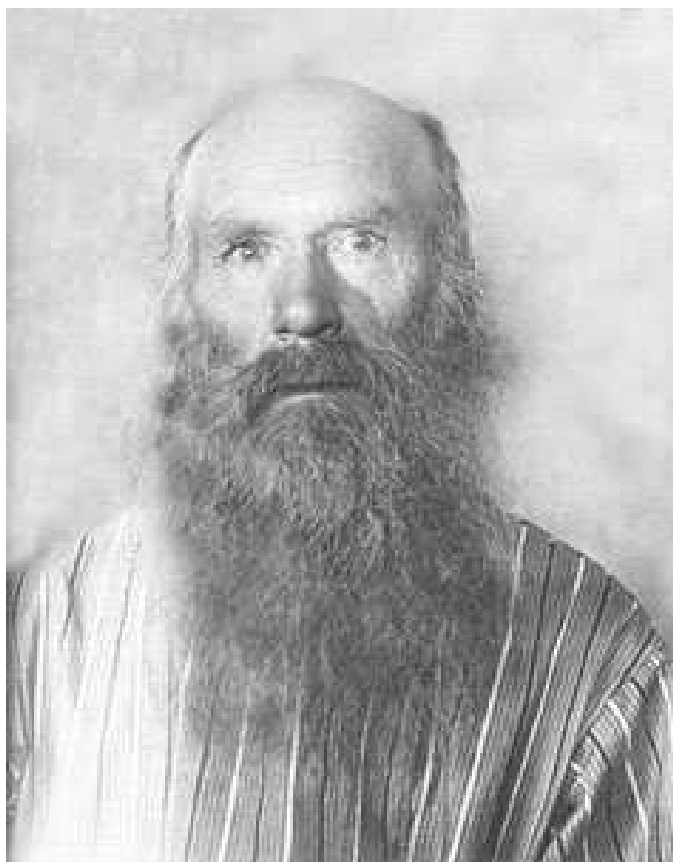
«...И после революции Октябрьской моя деятельность продолжала носить тот же характер служения народу. Я приветствовал те благие мероприятия пролетарского правительства, которые оно предпринимало и проводило в деле социалистического переустройства страны, и никогда контрреволюционных выступлений не делал. Я продолжал работать главным образом в области кооперации. Население, зная меня как добросовестного и опытного работника, ценило меня, и после Октябрьской революции вверяло мне ведение дела в местной кооперации, кредитном товариществе, сельскохозяйственном товариществе, потребобществах, чайной. По моей инициативе был образован из

местной молодежи культурно-просветительный кружок... У меня явилась мысль объединить все существовавшие тогда во Власьево виды кооперации и предприятия кружка в одном помещении, для чего мной было испрошено у общего собрания крестьян волости разрешение использовать большой двухэтажный деревянный дом бывшей местной владелицы Жуковой и перенести его ближе к бетонному дому товарищества. Был сделан уже бут, в какой работе принимали участие граждане двух селений, и только наступившая голодовка в то время и дороговизна рабочих рук плотников (работу брали только за хлеб) заставили отложить выполнение этого плана.

Когда я в 1918 году одновременно с национализацией типографии журнала был арестован тверским советом народного хозяйства и был передан в распоряжение губчека, мои прихожане и население 33-х деревень, входящих в состав товарищества, и даже комитеты бедноты в лице председателя волостного комитета бедноты С. Сухарева и местного комитета В. Аполлонова ходатайствовали пред губчека о моем освобождении. После пятнадцатидневного заключения я был освобожден и по суду оправдан. В 1921 году по донесению участкового агронома села Городня Романова о том, что я снабжаю местное население семенами клевера и огородными семенами, что я делал как председатель сельхозтоварищества и от его имени, я был арестован начальником уездной милиции и передан был опять в распоряжение губчека, откуда после десятидневного заключения по ходатайству товарищества был освобожден, причем мне не было предъявлено никакого обвинения. Мало того, еще во время моего заключения вышло распоряжение ВЦИК о том, чтобы кооперативы приняли все меры к снабжению крестьянства посевными и огородными семенами ввиду ожидаемого голода, причем давались льготы по выполнению этого плана. А я за это просидел десять дней в заключении...»¹⁷

19 августа 1929 года власти арестовали отца Николая по обвинению в том, что он, используя свое положение священника, с церковного амвона будто бы вел агитацию, направленную во вред советской власти. Например, в 1928 году во время престольных праздников говорил в проповеди крестьянам, что большевики разорили страну, притесняют крестьян и всеми средствами отвращают их от религии. «Осенью 1928 года, – говорилось в постановлении о привлечении священника к ответственности, – в деревне Никифоровской близ села Власьево произошло убийство. Из-за семейных неурядиц была убита крестьянка Наумова своей родственницей (золовкой), девушкой Марией Наумовой. Это обстоятельство было использовано Лебедевым, и он, отпевая убитую, над открытым гробом произнес проповедь в присутствии около 50 крестьян, в которой сказал: "Вот до чего доводит нашу молодежь культурно-просветительная работа и наш клуб, благодаря им, наша молодежь так опускается, что идет на убийство", что "в клубах и красных уголках лишь один разврат, и это происходит потому, что наша молодежь отошла от Бога". В текущем году, вследствие расширения совхоза Власьево, земля, принадлежавшая Лебедеву, подлежала передаче совхозу. Лебедев обратился в праздник Преображения к крестьянам с проповедью, где сказал, что советская власть отбирает у него землю и он просит крестьян помочь ему, чтобы земля осталась в его пользовании». Отец Николай был обвинен также в сотрудничестве с жандармским управлением во время революционного движения в 1905 году, будто бы он «вел активную борьбу с революционным движением путем разъяснения крестьянам царских манифестов в монархическом духе,

предупреждения крестьян против активных выступлений против царского правительства, выступлений на митинге против выдвигаемых мероприятий революционного характера, не допускал организации крестьянского митинга во Власьевской школе».

Протоиерей Николай Лебедев. Тверская тюрьма. 1929 год

Отвечая на все эти обвинения, отец Николай написал в своем объяснении следователям: «Мне предъявляется обвинение в том, что я будто имел связи с царской охранкой, был ее агентом, служил у нее на службе, узнавал, где устраивались митинги, выслеживал ораторов и потом выдавал их правительству. Обвинение слишком для меня тяжелое, чудовищное и до глубины души меня возмущающее, как несправедливое и совершенно не соответствующее действительности. Я решительно заявляю, что никогда я связей с царской охранкой не имел, в услужении у нее не был никогда и шпионажем никогда не занимался и не мог заниматься, так как это противоречило и моим убеждениям, и моей деятельностью, и тем взаимоотношениям, которые у меня установились с самого начала моего служения в приходе вплоть до самой революции с гражданской властью и ее представителями... Эти взаимоотношения совершенно исключали всякую возможность не только какой-либо связи с царской охранкой или службы в ней, но исключали даже возможность и самой мысли о том... На митинге в 1905 году я лишь был в селе Эммаусе и выступал на нем с единственной целью – предотвратить возможность кровавой расправы полиции с беззащитным населением и избавить деревню от тех ужасных последствий, которые неизбежно бы обрушились на население в случае подобного столкновения... Население понимало меня и выразило благодарность за то, что страсти тогда не разгорелись и митинг окончился сравнительно

спокойно. Письменные мои показания на имя пристава Тверского уезда об означенном митинге исходили не из моей инициативы, совсем не по моему плану, не добровольно и вовсе не с целью шпионажа, а были вынужденными, вызванными официальным допросом со стороны полиции (а не жандармерии), пристава, приехавшего для допроса ко мне на дом...

По крайней мере, ни при аресте 1918 года, ни при аресте 1921 года о контрреволюционных каких-либо с моей стороны выступлениях и разговора не было... В церкви в своих проповедях тем политических я не касался и каких-либо контрреволюционных выступлений не делал.

По поводу убийства Наумовой своей снохи. Да, это было зверское, кошмарное убийство. Молодая девушка, едва достигшая 18-ти лет, комсомолка или бывшая пред тем комсомолка, после спектакля в местном клубе, чуть ли не участница спектакля, после обычных танцев идет домой и зверски убивает свою спящую сноху – мать трех или четырех малолетних (одного из них грудного) детей, порезав ей горло и нанеся ей несколько тяжелых ран. Говоря об этом убийстве, я между прочим высказал такую мысль, что некоторая ответственность за этот поступок ложится и на местную ячейку молодежи, что она больше внимания и забот уделяет на устройство спектаклей, танцев и увеселений, чем серьезной и нужной работе – такому воспитанию молодежи, которое бы исключало возможность среди молодежи подобных кошмарных фактов, как это зверское убийство. Через несколько дней после этого мне пришлось вести на эту тему более подробный разговор на мельнице с представителем ячейки... Я высказал такую мысль, что на партийной молодежи, как на передовой, в частности на местной ячейке комсомола, лежит великая задача – подготовка и перевоспитание современной молодежи для предстоящего социалистического переустройства страны, подготовка кадров нужных для этого работников, – работа слишком серьезная, ответственная, требующая потому особенного внимания и напряжения сил. Было время, когда воспитание молодежи лежало отчасти на нас, теперь мы сошли со сцены, эти обязанности перешли теперь к вам, комсомолу; на вас устремлены взоры всей страны, вы являетесь цементом для будущего строительства, поэтому нужно и более строгое, внимательное отношение к себе, нужна серьезная умственная работа над собой, больше уделять внимание книге, а между тем книги даже партийной литературы молодежью не читаются или мало читаются, и книги в библиотеке лежат неразрезанными (ведь этого факта, что молодежь мало уделяет внимания книге, отрицать и ячейка не будет), чему я был сам свидетелем. Нельзя же ограничивать и сводить работу ячейки к устройству лишь спектаклей, танцев и других увеселений. Нужно принять все меры к тому, чтобы между молодежью было меньше случаев пьянства, хулиганства, поножовщины, что подобными поступками партийная молодежь кладет пятно на всю партию... Вот краткое содержание моего разговора... Не отсюда ли и обвинение меня в том, что я не советовал брать книги из библиотеки при местной избе-читальне, не произошла ли тут простая путаница или простая перефразировка моих слов о том, что молодежь вообще мало читает, даже партийную литературу. Никаких выступлений против читальни при клубе я не делал. По просьбе отдельных лиц из крестьян, не молодежи, а людей семейных, я выдавал книги для прочтения из своей библиотеки этой зимой...

Теперь о собраниях и моем участии в них. В конце июня сего года мне пришлось бывать на собраниях в деревне Большой Перемерке, Никифоровской и

в конце июля или начале августа в деревне Малой Перемерке и вот по каким обстоятельствам. В начале июня сего года в целях расширения местного совхоза "Власьево" у меня проектом землеустроителя произведено было изъятие земли наделной, сада и даже усадьбы, с обязательством снести дом и постройки в полуторагодовалый срок, а для дома в саду и построек в нем срок этот даже 1 октября сего года. Земля, которой я пользовался, расположена среди земель совхоза. При изъятии земли мне не отводилось ни другого какого-либо земельного участка, ни даже усадьбы, где бы я мог построиться. Земля отбиралась тотчас же, по проекту землеустроителя, и мне предоставлялось лишь то, что я засадил и засеял. Я в течение тридцатипятилетней жизни во Власьево все время занимался сельским хозяйством и обрабатывал землю своими руками. Сад разведен мной лично еще в 1904 году на совершенно бросовом участке и возделывался мной и моей семьей... Сад отходит безвозмездно в совхоз, мне не предоставлено даже права взять что-нибудь из насаждений сада, хотя я весной этого года посадил пять штук яблонь. Положение мое и моей семьи оказалось крайне тяжелым и совершенно безвыходным. Я обжаловал этот проект землеустроителя в уездном землеуправлении и обратился к местному населению, чтобы оно подтвердило такие факты: что я занимался сельским хозяйством в течение 35 лет, сад лично разводил и обрабатывал его своими трудами, при участии всех членов своей семьи, что был не только служителем культа, но и общественником и кое-что делал для народа и местного населения, и поддержали мое ходатайство пред земельными органами или о сохранении за мной сада или части его, или, наконец, какого-нибудь небольшого участка земельного в другом каком-нибудь месте для постройки. На собраниях обсуждалось только мое экономическое положение и положение моей семьи в тесной связи с вопросом об изъятии у меня земли, и разговоры с крестьянами не выходили из пределов этого круга. Население составило приговоры и выслало своих представителей ко дню разбора дела и поддерживало мое ходатайство о сохранении за мной сада или части его, или предоставлении мне небольшого участка в другом каком-либо месте для постройки...

Относительно налога если мне и приходилось с кем-нибудь в частности говорить, так только по отношению к себе, к своему положению, вовсе не имея в виду ни налога с крестьянства, ни даже с духовенства... Для меня лично налог иногда был высок и даже тяжел при моих семейных обстоятельствах и моем положении в приходе. Со стороны прихода я не пользовался никакими обложениями, ни натурой, не было ни определенной таксы за требы, я довольствовался всегда тем, что дадут, а эти даяния были незначительны при малочисленности моего прихода (в приходе моем всего 170–180 дворов). В прошлом году я уплатил налога 248 рублей и 20 рублей, несмотря на то, что у меня пали две лошади и весь посев ржи (8 мер) замók, и мной не было нажато ни одного снопа, и хлеб приходилось целый год покупать, а в этот год налог прислан мне в сумме 444 рубля, несмотря на то, что земля и сад у меня изъятые еще в начале июня месяца и мне оставлено до осени всего около двух гектаров. Конечно, такая сумма налога для меня является непосильной, обременительной при наличии такой семьи, как моя, или больной, или несовершеннолетней...

Моя деятельность при царском правительстве посвящена была служению простому народу... Моя деятельность после Октябрьской революции не носила характера контрреволюционного или агитации против советской власти. В моем выступлении пред многочисленной публикой в общественном собрании в 1922

году по вопросу об изъятии церковных ценностей я высказал взгляд, основанный на моих глубоких личных убеждениях, что, раз речь идет о спасении жизни человеческой, материальные интересы Церкви... должны быть принесены в жертву во имя этой высшей идеи... На основании всего вышеизложенного я протестую и против обвинения меня по пункту 10, 58 статьи УК...»

Но следователи не вняли объяснениям священника и продолжали возводить на него все новые и новые обвинения, так что отец Николай в возражение им направил новое заявление, в котором писал: «Я убедительнейше прошу присоединить к моему делу настоящее мое заявление в качестве дополнительного показания к протоколу моего допроса... При означенном допросе между прочим выплыл новый факт для моего обвинения – в том, что я 19 августа, в день Преображения, в церкви на проповеди говорил якобы что-то агитационное против советской власти. Подобное обвинение является совершенным вымыслом и злостной клеветой на меня. Проповедь я действительно говорил, но эта проповедь имела чисто церковный характер и касалась лишь событий церковного праздника, и в ней не было произнесено ни одного слова, которое бы имело какое-либо отношение к власти и переживаемому моменту. Вот краткая схема этой проповеди. Текст: "да возсияет и нам грешным Свет Твой присносущный..." Передача самих событий праздника Преображения, восторг Петра – "сотворим зде три кущи". Основа этого восторга – вид преобразившегося Христа, а отсюда вера Петра в Него как Сына Божия, сознание близости ко Христу, общения с Ним, а отсюда и душевного восторга, радости. Такого общения со Христом, а отсюда духовной радости, не лишены иметь верующие. Это общение со Христом происходит в молитве, в храме, в пении церковных песнопений, в чтении слова Божия, в таинствах Церкви. Свет Христов, свет Его святого учения, учения мира, любви и чистоты пусть будет нам путеводной звездой в нашей жизни и наполняет наши сердца душевным миром и радостью. Вот краткое содержание всей проповеди. Ни одного слова ни о власти, ни о переживаемом моменте...

Теперь несколько слов о моих обращениях к прихожанам, о крестьянских приговорах и посылке уполномоченных в уездное земуправление.

Я 35 лет вел сельское хозяйство и немало потрудился над землей. Земля за мной утверждена была земельными органами в 1921 и в 1923 годах окончательно. Сад заложен был мной в 1905 году на бросовой земле и возделывался личными трудами меня и моей семьи. В последние годы в целях восстановления и улучшения сада я вкладывал в него все свои средства, отказывая себе и своей семье в самом необходимом. Вы, товарищ следователь, сами были свидетелями той убогой обстановки, в которой живет моя семья... В начале июня сего года в целях расширения местного совхоза было произведено изъятие всей земли, которой я пользовался, – наделной, сада и даже усадебной со сносом всех построек и даже дома, без отвода клочка земли где-либо в другом месте, где бы я мог построиться. Сад отобран под корчевку, безвозмездно, без права взять что-нибудь из садовых насаждений... Положение мое и моей семьи оказалось самым отчаянным, совершенно безвыходным. Положение свое я подробно обрисовал в своем ходатайстве пред уездным земуправлением. Вполне естественно, что, одновременно с ходатайством пред уездным земуправлением, я просил прихожан своими приговорами, во-первых, подтвердить, что я эту землю обрабатывал уже 35 лет, сад сам разводил, а во-вторых, подтвердить создавшееся изъятием земли тяжелое положение меня и

моей семьи и, наконец, поддержать мое ходатайство об оставлении за мной или части сада или отвода клочка земли где-либо в другом месте, где бы я мог выстроиться. Несмотря на то, что я таким постановлением об изъятии у меня земли и сада и даже усадьбы, а отсюда вынужденной и неожиданной ликвидацией всего моего хозяйства, обречен был на полное разорение и нищету, так как с лишением земли лишался единственного и надежного источника для существования своего и своей семьи, я ни одним словом не обвинил ни власти, ни совхоза, я не набросил даже какой-либо тени на план советской власти в деле коллективизации и предстоящего социалистического переустройства страны... Мне предъявляется обвинение в противосоветской агитации, что я, опираясь на свое влияние среди населения, вел эту агитацию. Но где же я ее вел, и где следы этой агитации? Ни в собраниях, ни в клубе, ни на сходах, ни на докладах я нигде не бывал, в разговоры и споры с представителями местной ячейки я никогда не вступал. В церкви, в своих проповедях? Но подобные обвинения не покоятся ли на таких же фактах, подобных факту 19 августа, и не являются ли простым вымыслом и гнусной клеветой на меня? Где же, наконец, и в чем же выразились следы такой моей зловредной агитации среди местного населения, моего вредного влияния на народ в этом направлении? За 12 лет существования советской власти в районе моего прихода немало было случаев привлечения к ответственности отдельных лиц за воровство, грабежи, убийства, хулиганство, драки, но не было ни одного такого случая, когда бы кто-нибудь привлекался за контрреволюцию, за агитацию против советской власти или противодействие ее тем или иным мероприятиям в деле социалистического строительства. В чем же выразилось мое вредное влияние на население? А против хулиганства, пьянства, грабежа, воровства, легкой жизни за счет другого, за счет бедняка – я всегда был ревностным борцом и всегда наживал себе врагов за то. Поэтому я еще раз и решительно отвергаю обвинение в систематической агитации против советской власти... ни в церкви, ни где-либо в собраниях я не вел такой агитации...»

Во время нахождения отца Николая в тюрьме прихожане селений Пасынкова, Никифоровской, Перемеров, Иенева, Кольцова выступили в защиту своего пастыря. Они писали в заявлении к властям: «Священник Николай Васильевич Лебедев во время своего 35-летнего служения в нашем приходе проявил себя с хорошей стороны. Он никогда не был корыстолюбив. Никогда не назначал определенной платы за требы, а удовлетворялся тем, что дают ему, и не требовал от тех, кто не давал ничего. Всегда был добр и отзывчив к чужому горю. Во время своей 35-летней пастырской деятельности он проявил себя как общественный деятель; борясь с грубостью, хулиганством и пьянством, закрыл существовавшие у нас кабаки, открыл вместо них две школы, устраивал чайные с читальнями, литературными чтениями и туманными картинами. Открыл Общество трезвости, спасая людей от гибели и разврата. Те средства, которые получал от трезвенников, он не брал себе, а вкладывал их на другое полезное общественное дело: детский приют, основанный им на 40 человек беспризорных детей, детей алкоголиков и беднейшего населения. Кроме того, он пытался обратить на честную трудолюбивую дорогу людей, сбившихся с пути, поддавшихся пьянству, привлекая их к трудовой и честной жизни, устраивал им разные мастерские: швейные, сапожные, корзинные, где были руководители-специалисты. Кроме того, он организовал кредитное товарищество, обслуживающее 33 деревни, распространяющее семена, земледельческие орудия, плодовые деревья, привлекая население к ведению культурного

хозяйства. Всю свою жизнь в нашем приходе он отдавал всего себя народу, борясь с грубостью, невежеством, темнотой, пьянством и хулиганством. Он не занимался какой-либо провокацией и пропагандой против советской власти, не выступал ни на каком собрании. Он никогда не был врагом народа, а был всегда другом его, полезным и ценным членом общества, а посему мы, прихожане села Власьево и граждане селений Пасынкова, Никифоровской, Перемерок, Иенева, Кольцова, ходатайствуем перед ОГПУ о его освобождении».

Село Керчёмья Коми области

Власти не вняли прошению народа, и 3 ноября 1929 года священник был приговорен к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь, где он пробыл до 9 августа 1931 года, а затем был выслан в город Мезень Архангельской области. В июле 1932 года отца Николая перевели в Архангельск, а затем выслали в Усть-Куломский район в село Керчёмья Коми области. 19 августа 1932 года окончился срок ссылки священника. Для выезда с места ссылки требовалось согласие местного ОГПУ, но оно не было дано, и священник еще на год остался в Керчёмье.

Дочь отца Николая добилась встречи с членом Верховного суда РСФСР Аароном Сольцем и изложила ему, кто был ее отец и суть своей просьбы. На заявлении, поданном дочерью, он наложил резолюцию об освобождении священника. В заключение встречи она спросила его: «Могу ли я узнать о результатах своего ходатайства и когда?» – «Ваш отец приедет к вам, вы и узнаете», – ответил тот.

Летом 1933 года положение священника сильно ухудшилось. Посылки, которые посылала дочь, из-за дальности расстояния и затрудненности в средствах сообщения доходили не регулярно и со значительным опозданием. Здоровье отца Николая в это время сильно пошатнулось, и он стал быстро слабеть. Дочь священника снова написала письмо Сольцу, закончив его словами: «Буду верить, что вы при всей своей важной работе сдержите свое честное и

стойкое слово коммуниста, и я дождусь, что мой отец действительно придет ко мне».

*Кладбище в селе Керчёмья,
на котором был погребен протоиерей Николай Лебедев*

Однако, несмотря на все обещания властей, он не вернулся домой. Священник Николай Лебедев умер в ссылке в селе Керчёмья Усть-Куломского района Коми области 1 сентября 1933 года и был погребен на деревенском кладбище в безвестной ныне могиле.

После ареста отца Николая храм в селе Власьево был закрыт, вновь он был открыт лишь в 1989 году. Это был первый храм в Тверской епархии, в котором возобновилось богослужение после нескольких десятилетий гонений на Русскую Православную Церковь.

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской
Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5»
Тверь. 2001. С. 169-208

Библиография

ТЦДНИ. Ф. 7849, д. 29654–С.

Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 29654–С.

Примечания

- ¹ Тверские епархиальные ведомости. 1907. № 18. С. 447–453.
- ² Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 29654–С. Л. 29–31.
- ³ Тверские епархиальные ведомости. 1903. № 7–8.
- ⁴ Там же. 1906. № 1.
- ⁵ Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 29654–С. Л. 11.
- ⁶ Тверские епархиальные ведомости. 1907. № 21. С. 668.
- ⁷ Там же. С. 668–672.
- ⁸ Там же. С. 673–675.
- ⁹ Там же. 1908. № 45. С. 626–629.
- ¹⁰ Там же. 1909. № 11–12. С. 251–254.
- ¹¹ Там же. № 7. С. 143–144.
- ¹² Журнал «К Свету». 1910. № 1. С. 1–5.
- ¹³ Тверские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С. 157–163.
- ¹⁴ Журнал «К Свету». 1913. № 1.
- ¹⁵ Тверские епархиальные ведомости. 1913. № 2. С. 29–30.
- ¹⁶ Журнал «К Свету». 1913. № 1. С. 29–31.
- ¹⁷ Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 29654–С. Л. 31–35, 50–51.